

А.Ш. Кабирова

Условия жизни и быт населения Республики Татарстан в годы Великой Отечественной войны

Проблемы Великой Отечественной войны, в том числе вклад населения Татарстана в победу над фашистской Германией, относятся к числу важнейших тем отечественной историографии. Все годы, прошедшие с начала войны, историки с неослабевающим интересом обращались к изучению этого сложного, драматического, неоднозначного периода.

Однако и сегодня военная тема не утратила своей актуальности и злободневности. Более того, значение ее научной разработки возросло в контексте усилившегося стремления ученых к восстановлению исторической истины, ликвидации «белых пятен» и «закрытых зон». Современных читателей уже не могут удовлетворять труды, упрощенно объяснявшие явления прошлого. Необходимы новые исследования, адекватно реконструирующие события военного времени, свободные от догматизма и налета конъюнктурности. Возможности для создания такого рода работ мы видим прежде всего в расширении источниковой базы исследований, привлечении малоизвестных и редко используемых ранее, в силу причин идеологического характера, архивных документов и материалов.

В том числе нового, комплексного рассмотрения требуют вопросы повседневной жизни людей в годы военного лихолетья, объективное освещение которых позволит показать войну во всей ее сложности и противоречивости, правдиво отразить тяжесть выпавших на долю населения испытаний.

Как известно, в военные годы огромные трудности сложились с обеспечением населения основными продовольственными и промышленными товарами. Для поддержания минимально необходимого уровня жизни было решено ввести государственное нормированное снабжение на основе карточной системы. Однако часть граждан сразу же оказалась ущемленной в правах. Крестьянство карточками не обеспечивалось, тогда как рабочие в промышленности, представители сельской интеллигенции, инвалиды и эвакуированные гарантированно имели в среднем 500–900 г хлеба в день на человека, 1,8 кг мяса или рыбы, 1,3 кг крупы или макаронных изделий в месяц [1, с. 119]. Рацион колхозников зависел исключительно от количества выработанных ими трудодней.

Между тем в сельском хозяйстве мобилизация опытных, авторитетных руководителей колхозов и совхозов и смена их молодыми, не имеющими навыков управления и хозяйствования кадрами, а также

формальное отношение к контролю со стороны вышестоящих инстанций во многих случаях приводили к нарушениям устава сельхозартели и в том числе злоупотреблениям в деле учета и записи трудодней. Подсчет выполненной работы и начисление положенного количества трудодней проводились с отставанием до двух и более месяцев. Нередко трудовые книжки колхозникам не выдавали или же в них не производили необходимые записи.

При выдаче натуральных авансов жителям сельских районов допускались грубые нарушения: кто-то незаслуженно получал больше заработанного, а другие, отработавшие необходимое количество трудодней, оказывались обойденными. Такое положение дел в сельском хозяйстве республики, естественно, не стимулировало трудового участия сельчан в общественном производстве, снижало авторитет колхозного руководства, порождало горечь, обиду и разочарование.

Многие крестьяне пытались выжить за счет приусадебных участков. Однако личное подсобное хозяйство подрывалось высоким сельхозналогом. Платить приходилось за посадки картофеля, овощей, сады... Предусмотренные же государством ничтожно малые суммы денежной оплаты труда сельских жителей практически сразу изымались у них в виде добровольно-принудительных военных займов. В целом в годы войны выдача зерновых на душу населения сократилась почти в 3 раза. Крестьянин получал из колхоза в день меньше 200 г зерна и около 100 г картофеля [2, с. 341].

Чтобы не умереть с голоду, людям приходилось есть лебеду, солому, жмых. Особенно тяжелой для татарстанцев стала весна 1944 г. Страшная эпидемия септической ангины, унесшая десятки тысяч жизней, охватила тогда районы Поволжья. Источником массового заболевания явился голод, вызвавший употребление в пищу пролежавшего зиму хлебного зерна, ставшего смертельным ядом. Высокая смертность (до 25% заболевших) была обусловлена недостатком лекарств, врачей. На все охваченные бедствием регионы из местных и центральных резервов удалось собрать 129 кг сульфидина и 251 кг стрептоцида. Больше лечить было нечем. Лишь с начала лета, когда появилась первая огородная зелень, эпидемия пошла на убыль [3, с. 261].

Но и граждане, снабжавшиеся по карточкам, в военный период в полной мере испытали на себе

все издержки работы государственных организаций. Особенно тяжело приходилось эвакуированным. Уже к началу сентября 1941 г. в Татарстан прибыло более 176 тыс., а всего к весне 1942 г. – 266 тыс. чел. Население одной только Казани увеличилось с 401 тыс. до 515 тыс. чел. [4, с. 78]. В литературе советского периода до последнего времени господствовала лишь одна, официально разрешенная точка зрения об оказании всемерной помощи эвакуированным. Она подкреплялась соответствующими документами, выдержками из мемуаров позитивного характера. Вместе с тем совершенно игнорировались значительные по объему пласты материалов, отражавших боль, обиду, нужды прибывшего населения, с одной стороны, и бездушие, волокиту, бюрократизм чиновников, с другой.

В частности, одним из таких документов является заявление К.И. Садовой, Ц.С. Матвеевой из Луги, А.Г. Легкович из Москвы, Е.И. Крыловой из Ленинграда, размещенных в Алексеевской Слободе Заинского района Татарстана. Обращаясь с жалобой в Президиум Верховного Совета республики, они указывают, что «в сельсовете Алексеевская Слобода эвакуированным не было оказано помощи... Зимой многие семьи голодают. Паек не соответствует общесоюзному. Вместо муки выдается немолотый овес. Соль задерживается по несколько месяцев, отчего развивается соляной голод. Соль же находится близко, но ее не стараются доставлять вовремя. А люди нуждаются, переживают большие, искусственно создаваемые недостатки...» [5, л. 169].

Следует особо подчеркнуть, что вышеуказанные, мягко говоря, «недостатки» имели место в наиболее трудные для населения первые военные годы, когда полагаться приходилось, особенно приезжим, только на государственную помощь. Лишь небольшая часть граждан могла позволить себе приобретать дополнительные продукты питания и одежду в колхозной торговле. Цены на рынках были запредельными. Например, стоимость 1 кг картофеля за два года войны в Татарстане выросла с 2 до 25 руб., капусты – с 2 до 40 руб., говядины – с 28 до 280 руб., свинины – с 28 до 250 руб. В среднем цены на рынках крупных городов были выше довоенных в 13 раз и превышали уровень цен на продукты, продававшиеся по карточкам, в 20 с лишним раз [6, с. 285].

Зная цены военного времени, весьма любопытным представляется сопоставление их с реальным уровнем оплаты труда населения. Здесь вырисовывается следующая картина: среднемесячная зарплата рабочих, ИТР, служащих, видимо, с целью стимулировать их труд, за годы войны выросла с 375 до 573 руб. В оборонной промышленности уровень заработной платы был значительно выше, чем в других отраслях народного хозяйства. На казанском заводе №16 зарплата рабочих в 1944 г. составляла 776 руб., а у передовых рабочих

она доходила до 1,5–2 тыс. руб. в месяц [7, л. 17]. Работники сферы образования и культуры, как обычно, оказались «брошенными на произвол судьбы». Они получали 160–180 руб. в месяц [8, л. 88]. Несложные арифметические вычисления убеждают нас в том, что жители республики на свои зарплаты не всегда могли приобрести даже тот минимум, который был им необходим, чтобы не умереть с голоду.

Не в должной мере было организовано и обеспечение продовольствием городского населения республики. В архивных документах приводятся факты о том, что на хлебозаводах и пекарнях постоянно нарушался суточный график выпечки хлеба, не была налажена подвозка муки и топлива. В результате недостаточной работы хлебовыпекающих предприятий треста «Росглавхлеб» жители Казани систематически испытывали перебои в снабжении наиболее важным для жизни продуктом. Только за пять апрельских дней 1942 г. торгующая сеть столицы Татарстана недополучила от хлебозаводов 175 т хлеба [9, л. 59].

Более того, в военный период порочная практика сложилась и в самой системе учета и хранения карточек. Контроль за их расходованием был поставлен плохо, результатом чего стали участвовавшие случаи злоупотреблений с карточками. Продовольственные карточки выдавались на вымышленных лиц; давно умерших людей; граждан, не проживающих в республике, и т.п. Почему такое было возможно? Анализ, проведенный в октябре 1943 г., показал, что работа карточных и контрольно-учетных бюро Татарстана не была налажена должным образом: на работу принималась лица, не имеющие никакой подготовки, подбор кадров осуществлялся без необходимой проверки, личные дела на значительное количество работников не были заведены. Кроме того, и сами помещения для хранения карточек не были соответствующим образом оборудованы: отсутствовали железные решетки на окнах, не были изолированы кладовые, не хватало несгораемых сейфов и шкафов, не работала специализированная охрана [10, л. 35].

Трудности в материально-бытовом положении городских и сельских жителей усугублялись случаями хищения и разбазаривания основных продовольственных товаров. Так, крупные случаи воровства и хищения хлеба были вскрыты в системе «Заготзерно», трестах «Главмука», «Главхлеб». Только по казанской реализационной базе «Заготзерно» за восемь месяцев 1943 г. недостачи составили свыше 6,5 тыс. ц зерна, по предприятиям треста «Главмука» – 1784 ц. На глубинных пунктах «Заготзерна» Первомайского, Октябрьского, Аксубаевского районов республики хищения составили 3000 ц зерна [11, л. 42].

В том же 1943 г. было организовано инспектирование пяти районных потребсоюзов Татарстана (Ютазинского, Елабужского, Чистопольского, Камско-Устьинского, Б. Тарханского). В ходе его про-

ведения было установлено хищение и разбазаривание 29283 кг хлебопродуктов, 357 кг мяса, 941 кг соли, 74 кг масла и других продуктов [12, л. 17]. Растраты товаров в системе потребкооперации носили массовый характер.

До недавнего времени знакомить читателей с такого рода документами не рекомендовалось. Идеологизированная отечественная история демонстрировала только героическую сторону войны, акцентировала внимание на единстве партии и народа, патриотизме и мужестве советских тружеников. Предполагалось, что при советском строе не могут появиться люди, способные наживаться на горе других, что вся страна едина в своем стремлении отдать все силы и средства для защиты Отечества. Поэтому факты, не укладывавшиеся в заданную схему, предпочитали не афишировать.

Обеспечение населения основными промышленными товарами в военные годы также осуществлялось на основе карточной системы. Но в условиях, когда все предприятия работали на нужды фронта, одежды, обуви, предметов широкого потребления катастрофически не хватало. Люди старшего поколения и сегодня вспоминают, как на всю семью была одна пара валенок или калош. Взрослым не в чем было выйти на улицу, пойти на работу, детям – в школу. Плохо было поставлено обеспечение посудой. Даже в столовых оборонных предприятий, которые находились на государственном снабжении, ее не хватало. Мыло выдавалось по большим праздникам.

В некоторой степени помочь населению были призваны те предприятия, где из отходов производства был налажен выпуск предметов первой необходимости. Например, завод №22 начал изготовление калош, кружек, кастрюлей, ложек. Фабрика киноплёнки освоила выпуск игрушек, пуговиц, жестяных чайников. Фанерный завод из отходов шпона делал спички.

Но только эти меры, конечно, не могли удовлетворить спрос людей на товары. Поэтому потребление промтоваров на душу населения в военный период резко сократилось. Если в 1940 г. в Татарстане на одного человека покупалось хлопчатобумажных тканей на 20 руб., то в 1944 г. – только на 3 руб. 97 коп.; кожаной обуви – на 16 руб. в 1940 г. и на 11 руб. в 1944 г.; резиновой обуви – на 2 руб. в 1940 г. и на 79 коп. в 1944 г. [4, с. 98].

К числу важнейших аспектов социальной политики военных лет относится обеспечение населения жилой площадью. В Татарстане жилищный вопрос, бывший непростым и до войны, обострился еще более в связи с прибытием эвакуированных. Большинство из них было расселено в коммунальных, ведомственных, частных домах. Под жилье приспособлялись общественные и производственные здания, помеще-

ния школ, дачные постройки и т.п. Местное население также обязано было предоставлять определенные метры своего жилья приезжим. Многие шли на это добровольно, сами выражая желание помочь соотечественникам, но нередко вновь прибывших размещали в порядке принудительного уплотнения. Например, на партийном собрании казанского завода №169 рабочие приняли следующее решение: «Обязать всех коммунистов, у кого имеется жилплощадь не менее 4 кв. метров на каждого члена семьи, подать заявление в завком о приеме эвакуированных» [13, л. 69].

Таким образом, средняя жилая площадь в республике на одного проживавшего составляла 4 кв. метра. Однако довольно часто встречались случаи, когда на человека приходилось по 2–3, а иногда и менее квадратных метров. Весьма показательным в этом отношении является заявление семьи Старовойтовых, рабочих завода №22. В нем содержится просьба выделить их семье хотя бы небольшую комнату, так как они в количестве 4 человек были распределены к одной из татарских семей, тоже насчитывавшей 4 человека и занимавшей жилплощадь 14 кв. метров. В заявлении указывается, что «жить в таких условиях, как 8 человек на 14 кв. метрах, не представляется никакой возможности, так как при такой скученности в комнате имеются тараканы, клопы и даже вши» [14, л. 37].

Большие трудности наблюдались не только с количественными показателями жилого фонда, но и с так называемыми качественными. Многим рабочим и служащим промышленных предприятий приходилось заселяться на расстоянии 10–20 км от своего места работы. В частности, в таком положении оказались рабочие завода №22. В справке от 24 июля 1943 г. говорилось, что «40% рабочих, эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Керчи, проживает на подселении у квартиросъемщиков и находится в тяжелых жилищных условиях. Большая часть из них живут в не пригодных для жилья помещениях. Из-за дальности расквартирования и плохой работы городского транспорта, особенно в зимний период, рабочие вынуждены ходить за 20 километров пешком, не имея совершенно времени на отдых» [15, л. 19].

Однако далеко не у всех материально-бытовые условия проживания удовлетворяли элементарным требованиям. Проверки, регулярно проводившиеся в помещениях, заселенных рабочими предприятий, показывали, что жилищные условия большинства из них были невыносимыми. А руководители заводов и партийные органы к бытовой стороне жизни трудящихся, как правило, относились безучастно. Сухие протокольные строчки свидетельствуют: «Всю зиму (1942 г. – А.К.) дома рабочих завода №22 не отапливались, в результате образовалась сырость, в жилых помещениях и во дворах царит опаснейшая антисанитария – рассадник эпидемических заболе-

ваний. Не созданы даже элементарные условия для жильцов: нет кухни, водопровод не работает, уборные загрязнены...» [9, л. 34].

Еще в более тяжелом положении находились рабочие завода №16. В отчете об их жилищно-бытовых условиях указывалось, что «общежития совершенно перестали быть похожими на места, где проживают люди. В большинстве комнат нет окон, постельные принадлежности грязные, засаленные, личная гигиена рабочих отсутствует, многие из них месяцами не ходят в баню. Несмотря на то, что в общежитии имеется душевая, обслужить всех желающих она не может, т.к. работает 4–5 часов в неделю, да и то нерегулярно. Перебои в работе бывают из-за отсутствия воды, топлива» [16, л. 67].

Учитывая трудности с жилищным обеспечением и понимая необходимость изменения сложившегося положения, руководство республики предприняло ряд шагов, направленных на пополнение жилого фонда. На базе промышленных предприятий были сформированы строительные организации, которые занимались возведением жилья. Быстрое возведение домов в годы войны достигалось за счет перехода к упрощенным конструкциям жилых зданий типа бараков, применения различных заменителей остродефицитных матери-

алов и т.п. Всего за военный период в республике было введено в эксплуатацию 384 тыс. кв. метров жилых и культурно-бытовых помещений [17, с. 86]. Однако в условиях, когда силы и средства строительных организаций Татарстана были направлены в основном на строительство промышленных объектов, а впоследствии на восстановление освобожденных районов страны, жилья в республике строилось совершенно недостаточно.

Таким образом, анализ архивных документов и материалов показывает, что в годы войны жизненный уровень населения Татарстана значительно снизился. Несмотря на предпринимаемые правительством меры, люди терпели объективные трудности и лишения, нередко усугубляемые просчетами партийных и государственных органов. Высшие эшелоны власти своей приоритетной задачей считали работу по формированию и успешному функционированию военно-промышленного комплекса. Человек являлся для них лишь рабочим инструментом, производственной единицей. Поэтому все указы и постановления, принимавшиеся в военный период, были направлены прежде всего на то, чтобы обеспечить жителей республики необходимым для поддержания их работоспособности минимумом средств.

Библиографический список

1. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. – М., 1985.
2. Арутюнян, Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Арутюнян. – 2-е изд. – М., 1970.
3. Серебрянников, В.В. Социология войны / В.В. Серебрянников. – М., 1997.
4. Гильманов, З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне / З.И. Гильманов. – Казань, 1977.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. Р-3610. – Оп. 1. – Д. 383.
6. История СССР. – М., 1974. – Т. X.
7. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). – Ф. 4894. – Оп. 1. – Д. 115.
8. НА РТ. – Ф. Р-3610. – Оп. 1. – Д. 329.
9. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 372.
10. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 717.
11. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 704.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 44. – Д. 1412.
13. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 5358. – Оп. 1. – Д. 10.
14. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 5358. – Оп. 1. – Д. 314.
15. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 840. – Оп. 1. – Д. 387.
16. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 407.
17. Татарская АССР за 40 лет : стат. сб. – Казань, 1960.